

Смоленцева Елена Николаевна

студент магистратуры
Московский университет им. С.Ю. Витте
Москва, Россия

ТАКТИКА ДОПРОСА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ¹

Аннотация

Статья посвящена анализу тактических приёмов проведения допроса в условиях конфликтных следственных ситуаций. Рассматриваются природа и причины возникновения конфликта при допросе, психологические аспекты взаимодействия следователя с допрашиваемым лицом, а также комплекс тактических решений, направленных на получение достоверных показаний.

Ключевые слова: тактика допроса, конфликтная ситуация, следственные ситуации

Введение

Допрос занимает особое место в системе следственных действий: именно от качества его проведения во многом зависит исход всего расследования. Вместе с тем практика показывает, что получение достоверных показаний крайне редко оказывается бесконфликтным процессом. По справедливому замечанию ряда криминалистов, конфликтная ситуация при допросе скорее норма, нежели исключение [1]. Такой тезис задаёт принципиальную исследовательскую рамку: если конфликт неизбежен, следователь обязан не избегать его, а управлять им – осознанно, методично, в строгом соответствии с требованиями закона и профессиональной этики.

Актуальность темы определяется не только теоретическими соображениями. Практика расследования уголовных дел свидетельствует о том, что именно в конфликтных ситуациях следователи наиболее уязвимы: они либо избыточно давят на допрашиваемого, рискуя получить доказательства, признанные судом недопустимыми, либо, напротив, утрачивают инициативу и лишаются возможности уличить лицо во лжи. Цель настоящей статьи состоит в системном анализе сложившегося арсенала тактических инструментов преодоления конфликта, а также в выявлении практических ограничений их применения.

Прежде всего необходимо чётко очертить границы центрального для данного исследования понятия. Согласно теории следственных ситуаций Л.Я. Драпкина, конфликтная ситуация представляет собой особое состояние системы межличностных отношений участников уголовного судопроизводства, имеющих противоположные

¹ Научный руководитель: Уварова Ирина Александровна, заведующий кафедрой «Уголовного права и процесса», Московский университет имени С.Ю. Витте

интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределённости [2]. Это определение принципиально: конфликт понимается здесь не как эмоциональное столкновение, а как структурная характеристика следственной ситуации, основанная на двух взаимосвязанных факторах – соперничестве сторон и взаимной неопределённости относительно планов и намерений друг друга.

Важно при этом разграничивать явный и скрытый конфликт. В первом случае следователь распознаёт противодействие непосредственно по поведению допрашиваемого: отказ от ответов, агрессия, демонстративное молчание. Куда сложнее ситуация скрытого конфликта, при котором допрашиваемый внешне соглашается давать показания, однако целенаправленно вводит следователя в заблуждение. М.А. Аксенова и К.С. Петрин справедливо указывают, что скрытый конфликт требует от следователя более глубокого аналитического усилия, а его нераспознавание способно существенно затянуть расследование и деформировать всю доказательственную базу [3].

Причины конфликта многообразны. Наряду с объективной разностью интересов сторон, ключевую роль играют эмоциональные состояния допрашиваемого – страх, тревога, агрессия, а иногда и сложные интрапсихические процессы, связанные с механизмами психологической защиты личности. Следователь, не учитывающий эту составляющую, неизбежно рискует избрать неверную тактику и тем самым лишь усилить сопротивление.

Любой допрос, независимо от его конфликтного потенциала, начинается с установления психологического контакта. Этот этап в литературе нередко описывается как формальная процедура, однако в действительности он представляет собой тонкую аналитическую работу, от результатов которой зависит вся дальнейшая тактика.

Психологическое состояние допрашиваемого в начале допроса может варьироваться в широком диапазоне – от возбуждённо-отрицательного (гнев, агрессия) до депрессивно-подавленного (уныние, апатия). Задача следователя в первом случае состоит в снижении эмоционального накала, во втором – в постепенной активизации диалога через создание условий доверия. Р.Р. Сулейменова обращает особое внимание на то, что выбор конкретного метода установления контакта всегда должен опираться на предварительно составленный психологический портрет допрашиваемого [4].

Среди практически значимых методов следует выделить несколько взаимодополняющих подходов. Демонстрация осведомлённости следователя о деталях жизни допрашиваемого, не связанных напрямую с предметом допроса: такой приём вызывает у собеседника непровольный интерес и ослабляет его защитную концентрацию. Апелляция к положительным качествам личности, что создаёт предпосылки для возникновения элементарного доверия. Так называемое дистанционное сближение, предполагающее ведение беседы в комфортном пространственном и эмоциональном регистре и приобретающее особую значимость при допросе несовершеннолетних. Ни один из названных методов не является универсальным: их эффективность целиком определяется индивидуальными особенностями конкретного лица.

Когда конфликт проявляется открыто, перед следователем встаёт двуединая задача: снизить эмоциональную напряжённость и одновременно не утратить информационного преимущества. Ю.О. Павлова подчёркивает, что в условиях конфликта следователь должен ориентироваться на многовариантную тактику, при которой каждое последующее решение определяется реакцией допрашиваемого на предыдущее воздействие [1].

В случае полного отрицания причастности к преступлению и выдвижения алиби рационально применять приёмы двух типов. С одной стороны, предъявление доказательств, очевидно опровергающих доводы подозреваемого, а с другой – формирование у допрашиваемого убеждения в полной осведомлённости следователя: к примеру, точное указание на то, где и с кем подозреваемый находился в интересующий период. При отсутствии такой возможности изобличение алиби непосредственно в ходе допроса практически неосуществимо и требует проведения дополнительных следственных действий.

Если допрашиваемый не отрицает участия в событии, но оправдывает свои действия правомочностью, наиболее продуктивной линией поведения является не опровержение этих доводов, а продолжение выяснения фактических обстоятельств. Правовая самооценка подозреваемого имеет лишь второстепенное значение; следователю важен прежде всего фактический массив [4]. При этом отдельного внимания заслуживают ситуации, когда правомочность действий обосновывается обстоятельствами, исключающими преступность деяния – в таких случаях именно выяснение этих обстоятельств должно стать самостоятельным предметом допроса.

Особого внимания требует проблема самоговора, при котором лицо признаёт вину, фактически не совершив преступления. Для исключения самоговора применяется приём максимальной детализации показаний в сочетании с эффектом внезапности – предъявлением доказательств, способных опровергнуть причастность допрашиваемого. Посещение вместе с обвиняемым места преступления также служит надёжным индикатором: когда лицо начинает теряться при ответах на конкретные вопросы непосредственно на месте, это с высокой вероятностью свидетельствует именно о самоговоре, а не о реальном участии в событии.

Среди тактических инструментов, применяемых в конфликтных ситуациях, особое место занимает свободный рассказ. Несмотря на то, что он утратил статус обязательного этапа в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, его практическое значение остаётся весьма высоким. По мнению Е.В. Шишкиной, свободный рассказ способен выполнять целый ряд тактических функций, которые затруднительно реализовать иными средствами [5].

В ходе свободного изложения следователь получает возможность наблюдать за психофизическим состоянием допрашиваемого – его мимикой, паузами, темпом речи, нетипичными словесными оборотами. Именно признаки заученности текста (скороговорка, повторяющиеся клише, несвойственные лексические конструкции) становятся сигналом для применения приёмов детализации. Анализ нарратива позволяет выявить пробелы и внутренние противоречия в показаниях, которые впоследствии становятся точками тактического воздействия. Поведенческая информация, получаемая следователем в ходе свободного рассказа, позволяет сформировать исходную поведенческую линию, отклонения от которой в дальнейшем будут сигнализировать о лжи.

Вслед за свободным рассказом, как правило, следует детализация: формулирование уточняющих, детализирующих и контрольных вопросов, позволяющих воздействовать на допрашиваемого в течение продолжительного времени. Ложные показания, как правило, не выдерживают активной и последовательной детализации – допрашиваемый оказывается не готов ни психологически, ни интеллектуально к столь методичной проверке. Следователю при этом рекомендуется вести записи в минимальном объёме: как справедливо замечает тот же автор, допрашиваемые значительно охотнее раскрываются перед внимательно слушающим собеседником, нежели перед тем, кто постоянно смотрит в блокнот.

Одним из наиболее концептуально значимых инструментов в теории Л.Я. Драпкина является рефлексивное управление. Суть его состоит в том, что следователь конструирует систему вопросов таким образом, чтобы побудить допрашиваемого выбрать более слабую тактическую позицию – ту, которая окажется легко опровержимой [2]. Иными словами, следователь не просто реагирует на поведение допрашиваемого, но активно формирует условия, в которых тому придётся действовать.

Особое значение при этом имеет последовательность вопросов. Если следователь задаёт их в случайном порядке, он непроизвольно информирует допрашиваемого о том, что именно ему известно, лишая себя тактического преимущества. Грамотно выстроенная очерёдность вопросов позволяет, с одной стороны, постепенно сужать пространство для манёвра у лжеца, а с другой – фиксировать его ответы прежде, чем он успеет скорректировать свою позицию. В этом смысле рефлексивное управление требует не только профессиональной криминалистической подготовки, но и развитой способности моделировать поведение противоборствующей стороны.

Самостоятельный интерес представляет ситуация, при которой следователь, располагая достоверными данными, изначально понимает, что допрашиваемый лжёт. Здесь возможны несколько стратегий, причём их сочетание определяется психотипом личности и характером дела. Апелляция к положительным качествам и призыв к честности эффективны при работе с лицами без устойчивых антисоциальных установок. Метод детализации с акцентом на незнании конкретных деталей – времени, маршрута, внешних признаков предметов – применим в большинстве случаев как инструмент постепенного разрушения ложной версии. Прямое пресечение лжи с предъявлением зафиксированных противоречий даёт наибольший эффект тогда, когда доказательственная база уже достаточно убедительна и следователь может позволить себе «открыть карты».

Анализ тактики допроса был бы неполным без обращения к зарубежным подходам. Широко известная «Тактика Рейда», распространённая в американской следственной практике, предусматривает последовательное убеждение подозреваемого в том, что следствию известна вся картина произошедшего, а соучастники уже дали показания против него. Помимо этого, данная тактика включает

полную изоляцию допрашиваемого и использование приёма минимизации – неформального обещания снисходительного отношения в обмен на признание.

Прямое перенесение этих методов в отечественную практику, однако, невозможно: они противоречат нормам российского уголовно-процессуального законодательства и не отвечают принципу допустимости доказательств. Показания, полученные с применением подобных приёмов, с высокой вероятностью будут признаны судом недопустимыми. Этот вывод принципиален: эффективность тактики допроса не может оцениваться в отрыве от её правовой состоятельности. Отдельные же элементы зарубежных методик, не вступающие в противоречие с российским правом, – в частности, поведенческая диагностика на основе невербальных признаков лжи – активно исследуются в отечественной криминалистике как вспомогательный инструмент, дополняющий традиционные приёмы.

Проблема допустимости тактических приёмов занимает центральное место в дискуссии о нравственных границах допроса. Следователь вправе оказывать на допрашиваемого психологическое воздействие, однако оно не должно нарушать его процессуальных прав и человеческого достоинства. Данное требование приобретает особую остроту в свете того обстоятельства, что ряд сотрудников правоохранительных органов систематически пренебрегает этическими нормами, оправдывая это соображениями эффективности и быстроты расследования [6].

Следует признать, что обязанность соблюдать закон исполняется следователем в силу формальной ответственности, тогда как следование этическим принципам остаётся во многом вопросом профессионального самосознания. Такое положение формирует устойчивую практическую проблему, решение которой видится в двух направлениях. С одной стороны, необходима разработка детализированных методических рекомендаций, основанных на принципах допустимого психологического воздействия. С другой – введение обязательной видеофиксации допросов в сложных случаях преследует двоякую цель: защищает допрашиваемого от злоупотреблений и одновременно документирует добросовестность следователя, существенно снижая риск признания показаний недопустимыми.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Конфликтная ситуация при допросе является закономерным явлением, обусловленным объективным противостоянием интересов сторон в условиях информационной

неопределённости. Эффективное преодоление конфликта требует от следователя системного подхода, предполагающего грамотную диагностику психологического состояния допрашиваемого, последовательное применение тактических комбинаций и постоянный контроль над соблюдением процессуальных норм.

Наиболее универсальными и доказавшими свою действенность инструментами остаются приёмы детализации показаний, свободного рассказа, рефлексивного управления системой вопросов и работы с внутренними противоречиями в нарративе допрашиваемого. Ни один из этих приёмов не является самодостаточным: успех допроса определяется именно их сочетанием, выстраиваемым гибко с опорой на реальное поведение допрашиваемого и конкретные обстоятельства дела. Принципиально важно при этом, что любая тактика утрачивает смысл, если полученные в её результате показания будут признаны судом недопустимыми. Эффективность и законность суть неразрывно связанные критерии оценки следственной работы, и именно их единство должно составлять методологическую основу тактики допроса в конфликтной ситуации.

Список использованных источников

1. Павлова Ю.О. Тактика допроса в конфликтной ситуации / Ю.О. Павлова // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 52. – С. 168–171. – EDN: BVFDBI
2. Криминалистическая тактика: учебное пособие для вузов / Л.Я. Драпкин [и др.]; под редакцией Л.Я. Драпкина. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 228 с.
3. Аксенова М.А. Конфликтные ситуации допроса и способы их преодоления (в развитие теории следственных ситуаций Л.Я. Драпкина) / М.А. Аксенова, К.С. Петрин // Трансформация права: Материалы VII Всероссийского научно-практического Форума студентов и молодых учёных, Екатеринбург, 03–06 декабря 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. – С. 742–749. – EDN: FUFVEN
4. Сулейменова Р.Р. Тактика проведения допроса подозреваемого в условиях конфликтной ситуации / Р.Р. Сулейменова // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № S8. – С. 199–205. – EDN: FIQRKH
5. Шишкина Е.В. Методика расследования преступлений, совершённых несовершеннолетними: учебник / Е.В. Шишкина. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 255 с. – EDN: RATGCW

6. Полтинников П.В. Понятие и сущность конфликтных ситуаций, складывающихся при проведении допроса / П.В. Полтинников // Студенческий. – 2025. – № 6-4(302). – С. 21–23. – EDN: IMDLMS